
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.001

ББК 71.0

Б 19

С.Д. Бакулина,

кандидат культурологии, доцент, научный сотрудник кафедры культурологии Омского государственного педагогического университета, тел. 8-913-682-5956, E-mail: svbakulina@yandex.ru

Историзм как принцип репрезентации ценностной специфики места (на примере исследования регионального пространства Западной Сибири)

(Рецензирована)

Аннотация. Тенденция современных субъектов Российской Федерации (регионов, краев, областей, автономий) — стремление отойти от унифицированных критериев социокультурного развития. Приоритетность направлений, ориентированных на формирование и поддержание региональной специфики, задана очередным преобразованием России на рубеже 1980-1990 гг. XX века, повлекшим за собой рост российского регионализма, процессов регионализации. Историзм как принцип видения мира, особенностей формирования социально-культурных реалий в динамике их изменения позволяет увидеть социокультурные изменения места, его репрезентацию на основе историко-культурной самобытности, оказывающей влияние на формирование стратегических моделей и перспектив развития региона. Обозначенный вопрос неразрывно связан с исследованием геополитических, исторических, социальных условий, влияющих на трансформацию ценностных приоритетов в поликультурном пространстве Западной Сибири.

Ключевые слова: историзм, исследование памяти, историческая память, регионализм, регионализация, культурный бренд, Западная Сибирь.

S.D. Bakulina,

Candidate of Culturology, Associate Professor, Scientist of Cultural Science Department of Omsk State Pedagogical University, ph. 8-913-682-5956, E-mail: svbakulina@yandex.ru

Historical method as a principle of studying the value specificity of a place (as shown by the regions of West Siberia)

Abstract. The contemporary subjects of the Russian Federation (regions, territories, areas and autonomies) show a tendency to depart from the unified criteria for sociocultural development. Priority of the directions focused on formation and maintenance of regional specificity is set by the transformation of Russia at a boundary of the 1980-1990s, which caused increase of the Russian regionalism and regionalization processes. The historicism as a principle of studying the world and features of formation of social and cultural realities in the dynamics of their change makes it possible to see sociocultural changes of a place and its representation on the basis of the historical and cultural originality influencing formation of strategic models and prospects of the region development. This problem is inseparably linked with research of the geopolitical, historical and social conditions influencing transformation of value priorities in multicultural space of West Siberia.

Keywords: historicism, memory research, historical memory, regionalism, regionalization, cultural brand, West Siberia.

Поиск исторически обусловленных положений, объединяющих регионы в государственный конгломерат с целью осознания поликультурного государства как целостного, актуализирует необходимость исследования региональной культуры. Цель такой политики очевидна, а именно — организация единообразной системы политического управления, экономического развития, создание благоприятного поля для межкультурной деятельности. Историзм как принцип видения мира, особенностей формирования социально-культурных реалий в динамике их изменения позволяет не только увидеть смыслодержательную эволюцию места, но и сформировать модель его дальнейшего развития на основе осмысленного культурного наполнения, определяющегося географическими, историческими, социальными условиями. Дешифруя региональное пространство через знаковый образ места, порождаемый осмысленностью конкретного географического пространства через его культурное наполнение, мы получаем возможность увидеть его роль в архитектонике глобальной культуры, в том числе в процессе государственного устройства.

Обращаясь к научной ретроспективе понятия «историзм», отметим, что ключевые формы его представленности, сложившиеся в современной науке [1; 2], были распространены в философии просветителей (Дж. Вико, Вольтер, И. Г. Гердер, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро). Так, по мысли Гердера, история человечества будет неполной, если ее рассматривать вне связи с эволюцией природного мира, который формирует и культивирует в человеке гуманность. «Цель нашего земного существования в воспитании гуманности, а все низкие жизненные потребности только служат ей и должны вести к ней. Все нужно воспитывать: разумная способность должна стать разумом, тонкие чувства — искусством, влечения — благородной свободой и красотой, побудительные силы — человеколюбием» [3]. Только гуманность является подлинной целью истории человечества и

его высшим предназначением, тогда жизнь человека, проникнутая идеями гуманизма и просвещения, исторического оптимизма и равной значимости культур всех народов, будет целостной и полной, в том числе в процессе познания своей культуры через другие. Отсюда основное содержание принципа истории человечества: наполнить человека — «искусно построенную машину» — разумом из соединения впечатлений и навыков души, что совершается лишь в процессе воспитания, с учетом опыта предыдущих поколений, всего человеческого рода, когда человек подобно художнику, воспитывает себя на чужих образцах [4].

Развиваясь в форме философии истории, историзм фиксировал представление об эволюции человеческого общества по законам природы. Идея «естественных законов», единства исторического процесса как движения от высшего к низшему явилась основанием для положений о социальном прогрессе и фундаментом доктрины естественных прав человека. Позднее исторический процесс, связанный с реализацией идеи свободы, видится закономерным этапом развития абсолютной идеи. Так, отмечая историческое дарование Гегеля, Э. Трёльч говорит о его способности видеть реальные и живые противоположности в индивидуальном, эмпирическом, историческом процессе, в которых коренится все действительно совершающееся. Происходящее Гегель рассматривал не как «простые затемнения» или «нравственную борьбу между чувственностью и нравственным самоопределением», оно — пульс самой исторической жизни, а исторические образы — дорога к величию, богатству, страстной напряженности и жизненной полноте. «Благодаря этому и центр тяжести исторического мышления отодвигался как от начала, так и от конца исторического мирового процесса и полностью сосредоточивался в его живой середине, в его каждый раз непосредственной современности, которая живет не ради какой-либо цели, но ради самой себя живет, творит и борется» [5].

В постгегелевском сознании европейской культуры историзм представляется двумя формами. В частности, *объективный историзм*, опираясь на традиции Гегеля, предлагал идеалистические основы для общественного развития; *субъективный историзм* рассматривал развитие с позиции релятивизма, выделяя особую роль индивидуального. Результатом подобных оснований стало формирование культуроцентристской (историоцентристской) ориентации обществознания, стремящейся обосновать ценностно-смысловое содержание гуманитарных наук в отличие от наук естественных.

Современное представление об историзме фокусируется в следующих смыслах: историзм как постоянное обновление мира в категориях «прошлое–настоящее–будущее»; как принцип, появляющийся в мышлении людей на этапе динамично изменяющегося мира, в котором традиции уже не являются основным регулятором общения и деятельности людей; как подход, направленный на исследование развивающегося, изменяющегося предмета действительности [2; 6]. Однако ему предшествовала концепция циклического развития цивилизаций (Шпенглер О., Тойнби А., Сорокина П.), утверждающая ценность социально-культурного многообразия и отвергающая модель глобального исторического процесса и доминирование идеи универсального опыта развития культуры по образцу Западной Европы. Сегодня принцип историзма позволяет проанализировать социокультурные феномены на основе их взаимосвязи с конкретно-историческими условиями существования, становится условием репрезентации региона через артикуляцию ключевых образов как существенных в процессе регионального формирования.

В контексте проблемы изучения современного поликультурного региона интерес представляет позиция В. Дильтея, согласно которому задача исторического метода состоит в понимании целостной жизненной активности, жизненной практики, для этого

важно представить исторически последовательно метафизические системы прошлого как воплощенные объективации человеческих переживаний жизни. Так, задача наук о духе — «уловить единичное, индивидуальное в исторически-общественной действительности, распознать действующие тут закономерности, установить цели и нормы ее дальнейшего развития» [7]. Это может быть осуществлено с помощью искусственных приемов мышления, с помощью анализа и абстрагирования, под которыми понимается вероятность отвлечения от определенных сторон какого-либо факта с целью анализа общего предмета исследования, возможности развернуть другие стороны изучаемого факта.

Особое место в анализе тенденций исторического развития занимает историография. С одной стороны, она обращена к отличительному и неповторимому, с другой — дает представление об всеобщих тенденциях исторического развития в конкретный период абстрагируясь от частных особенностей отдельных сторон жизни людей и общества. По мысли Дильтея, исследователь лишь частично использует свой источник, но если сравнить конкретный результат исторического рассмотрения с совокупным фактическим содержанием исторически-общественной действительности, то придется признать наличие избирательного подхода. «Отсюда следует то важное правило, что всякая специальная наука познает исторически-общественную действительность лишь относительно и нуждается в своем восполнении другими науками. Размежевание этих наук, их здоровый рост в условиях специализации зависят поэтому от понимания того, как каждая их истина связана с совокупным целым, от постоянного сознания того, что эти истины вообще имеют место лишь в силу абстрагирования и что в меру их абстрактности им присуща ограниченная познавательная ценность» [8].

В XX веке данное положение подтверждается возникновением синтетических научных направлений, склады-

вающихся на стыке общего предмета исследования. Так, *историческая культурология* зарождается на стыке совместного интереса истории и культурологии к изучению всего многообразия производимых человеком культурных феноменов на основе использования богатого фактологического материала, полученного в рамках традиционного исследования. В числе основных задач исторической культурологии — выявление логики культурного развития, закономерностей и механизмов динамики культурных процессов, обоснование специфических черт и границ культурных эпох. Синтезом социологического и культурологического подходов является *социальная культурология*. Специфика направления — изучение культуры с точки зрения социального контекста, который создает канву для рассмотрения культурных явлений не в абстрактном, а в конкретно структурированном социальном пространстве. В свою очередь целью *региональной культурологии*, складывающейся на стыке регионоведения и культурологии, становится создание обобщенной модели культуры региона с учетом особенностей ее становления и развития, на основе взаимосвязей между законами формирования культуры региона и его отдельных территорий. Направление *memory studies* стало результатом научного интереса историков, социологов, культурологов, литературоведов, психологов к постижению процессов моделирования прошлого в памяти социальных групп, к причинам создания, поддержания, трансформации его образа [9; 10; 11].

Историография, являющаяся ключевым сегментом «истории памяти», трактуется сегодня как форма памяти общества. В XX — н. XXI вв. историописание предлагает материал, способствующий изучению социокультурных тенденции развития места. Выявление взаимосвязей с другими науками обуславливает контекст объяснения современного среза межкультурных отношений в поле региональных коммуникаций. В частности, сибирская историография фиксирует стержневые

события и фигуры в освоении места через исторические повести, источники мемуарного характера, актуализирует их посредством современных форм презентации в виде формирования региональных культурных брендов, развития центров традиционных культур, историко-культурных комплексов, является платформой для региональной самоидентификации и формирования региональной идентичности.

Так, вопросу изучения регионов Сибири через призму специфических черт: хозяйственно-экономических, географических, историко-культурных — на протяжении последних столетий уделялось пристальное внимание в разных областях научного знания, однако специфика проблемы, как показывают многочисленные исследования, вневременная [12; 13]. Территория Сибири — глобальное пространство, включающее в себя сложные переплетения национальных, конфессиональных, социальных традиций, специфику и взаимодействие культур Востока и Запада. Обращение к историческим повестям, отечественным и иностранным мемуарам, создаваемым летописцами, путешественниками, военными в XVI–XVIII вв., позволяет выявить ключевые события, определившие условия утверждения исторически определяющейся аксиологической компоненты в формировании региональной культуры. Однако не всегда источники позволяют составить объективное представление об исторических тенденциях развития места. На это указывает русский историограф И. И. Тыжнов. К примеру, летописи, «летописные статьи», исторические повести туземного происхождения и правительственные официальные документы, написанные в XVI–XVII вв., обладают как достоинствами, дающими представления о событийном ряде в истории покорения Сибири, так и недостатками, которые заключаются в одномерном отображении этого процесса в Российском государстве. Если «первые обращения только на один факт и одну личность — завоевание Сибири и Ермака», то другие — «акты правительства» — обнаруживают «лишь те

внешние факты, которые были результатом нового положения русского населения по отношению к правительству и государству». Присутствующая узость взглядов на процесс освоения Сибири в русской историографии выражается в отсутствии изображений внутренней, духовной жизни туземцев, тех изменений, которые происходили с населением. Именно поэтому большое место в сибирioписании занимают иностранные повествования (И. Масса, Н. Витсен, Ю. Крижанич), способствующие заполнению этого пробела. «Нельзя не отметить того факта, — отмечает И.И. Тыжнов, — что в то время, как русские люди пробавлялись разными допотопными рассказами о северных странах, в то же самое время иностранцы имели уже о тех же северных русских странах весьма точные научные сведения и даже образцы инородческих наречий!» [14].

Период XIX — начала XX вв. формирует новый взгляд на процесс освоения территории: он определен идеями колониационной политики самодержавия в Сибири — это идеи империи- и нациостроительства на восточной окраине Российской империи, которые дают новый виток ценностным трансформациям. Двадцатое столетие — век глобальных преобразований: от интеграции народов в советское пространство до доминирования локально ориентированных стратегий социокультурного развития, находящихся свое выражение в очередном подъеме регионализации в конце XX — начале XXI вв. в результате распада СССР. Современная стратегия развития регионов Западной Сибири определяется, с одной стороны, государственными ценностными приоритетами, зафиксированными в базовых документах государственного нациостроительства, с другой — развивается в русле историко-культурной самобытности, позволяя обратиться к культурной памяти места как вектору, определяющему локальную специфику. Подобные тенденции для России не являются новыми, тем не менее, сегодня они отражают новый виток социокультурных преобразований, формируя ценностные приоритеты места и

его встраивание во временной контекст с учетом историко-культурных особенностей.

В ключе современных социокультурных преобразований происходит обострение исторического сознания человека, настоящее осмысливается многогранно. Как «текущая» современность действительность видится временным, лишенным паттернов, кодексов и правил явлением [15]. В качестве времени культуры с преобладающей «горячей» или «холодной» памятью о прошлом реальность содержит в себе полярные значения: здесь доминируют либо повторяющиеся, регулярные, устоявшиеся смыслы, либо уникальные, особенные, нередко имеющие результатом разложение, ухудшение [16]. Непостоянство нарративов, представленное бесконечной серией смысловой интерпретации событий, исторически и культурно обоснованных, но преподносящих мир с разнонаправленными позициями постигающих его субъектов, дезориентирует человека. Происходит поиск тех оснований, которые способны создать поле идентификации на основе общих, единых смыслов. Происходящее позволяет осмыслить обращение к историческому прошлому (локальному, региональному) в рамках развивающегося социально-гуманитарного направления *memory studies* — «исследование памяти», — связанного с поиском и артикуляцией единой модели прошлого в памяти общества. Вписывая события в региональную хронологию как ключевые, знаковые, социум определяет для себя специфическую модель жизнеустройства, способствующую формированию региональной идентичности на основе сопричастности к одному событию ряду в настоящем.

Сегодня принцип историзма находит отражение в развитии *регионализма* и *регионализации*, которые можно рассматривать как современные формы самопрезентации региона. Обозначим некоторые смысловые грани этих процессов, специфика которых нашла отражение в формировании аксиологических приоритетов населения Западной Сибири.

В истории России научный интерес к регионализму оформлялся в идее земства (Н.И. Костомаров, А.П. Щапов), в концепции областничества (Г.Н. Потанин, Н. М. Ядринцев), в вольно-народной колонизации окраинных территорий России относительно ее центральной европейской части [17]. По мысли А.П. Щапова, история России — это история областей, относительно обособленных региональных сообществ. «Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации» [18]. Идея формирования земств заключается в создании нецентрализованного государственного устройства, реализуемого в системе общественного самоуправления и нацеленного на поддержание особенностей в развитии местной истории.

Необходимость изучения прошлого региона на основе конкретно-исторического и этнографического материала — исходное положение для формирования областнического движения. Его идеологи, Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, ставили вопрос о рождении и развитии сибирского самосознания. Соотнося центр и периферию, метрополию и колонию, высказывали мысли о рождении и формировании сибиряков — нового этнографического типа населения на территории Сибири. Н.М. Ядринцев выделял проблемы освоения Сибири, не потерявшие актуальности в наши дни, в числе таковых — демографические процессы, взаимоотношение русских и аборигенов, методы хозяйственного освоения Сибири и охрана ее природных богатств, хозяйственный и культурный суверенитет и вопросы самоуправления. Так, говоря о суверенитете сибирских регионов, Ядринцев в первую очередь отмечал необходимость территориального самоуправления в составе России. «Централизация — дело прошлое, провинция

— будущее. Провинция есть главная масса народа, которой принадлежит все» [19]. Неоднократно отмечая угнетаемое положение Сибири как сырьевого придатка, колонии Европейской Россией, Ядринцев видит решение проблемы в формировании местного сообщества, объединенного этногеографическими и экономическими условиями.

Особое влияние на сознание сибиряков, направляя их деятельность, способно оказать просвещение и литература. Этому тезису уделяется внимание в статье «М. И. Орфанов и его пребывание в Сибири» [20], где под псевдонимом Сибиряк Ядринцев оценивает деятельность русского писателя Михаила Ивановича Орфанова (Мишля), которому «сибирские впечатления помогли стать профессиональным писателем, дали темы для оригинальных рассказов и очерков» [21]. В то же время историком отмечается отсутствие влияния богатой сибирской природы на вдохновенное творчество писателей. Объяснением этому служит особый психотип сибиряка: новый житель — это неутомимый и энергичный работник, который создал в течение последующих столетий «энергичное сельское население из среды того русского крестьянства, которое бежало в Сибирь, уклоняясь от административного и крепостного гнета, чтобы там основать новую родину по древненародному обычаю». Именно такой переселенец сумел воспользоваться богатством неосвоенной земли, но «годною к обработке», являясь «настоящим ядром русского населения в Сибири». Показательна в этом отношении характеристика «сибиряка» — «типичного продукта свободной колонизации». Свобода была условием для формирования отличительных особенностей сибиряков. Они «сильны, энергичны, способны к работе», «добились известного благосостояния», «завоевали Сибирь для славянского народа», однако колонизация преступников справедливо признавалось областниками одним из самых тяжких бедствий для «молодой и начинающей расцветать страны» [22].

О Сибири как самостоятельном государстве высказывал свои взгляды

С.С. Шашков, отмечая исключительную роль не приказно-правительственной, а вольно-народной колонизации. Историк делал акцент на уникальном духовном мироощущении местных жителей. Он полагал, что с одной стороны, в России низкий уровень культуры, но «бесчисленное множество юродивых, блаженных, кликуш и божьих людей снуют из одного конца страны в другой, миллионы нищих осаждают монастыри, паперти церквей и двери всякого зажиточного дома; колокольный звон днем и ночью; всюду запах ладана». Россия — это «европейский Тибет, для которого идеалом служит сподвижничество, в котором пустыня считается земным раем» [17].

Ситуация освоения Сибири — единого регионального пространства, в качестве глобальной составляющей Российского государства сформированного и объединенного историко-культурными, географическими, этнокультурными особенностями, активно исследуется на границе XIX-н. XX вв. Это время — акт глобального пересмотра территории Евразии на уровне включения ее в пространство Российской империи, имеющей целью расширение государственных границ. Их установлением имперская политика переходила в длительную фазу интеграции новых территорий и народов в единое политическое и социокультурное пространство, в результате чего Сибирь стала осознаваться как русская территория. Представленные процессы можно охарактеризовать как глобализационные. Позже они актуализируются в политике СССР посредством утвержденной идеологии социалистического строительства в глобальных масштабах. Следствием этого стала унификация самобытных культурно-исторических форм (языковых, политических, экономических, исторических и пр.) на основе некой базовой модели. Сегодня формируются новые смысловые акценты региональных процессов.

В зависимости от того, что лежит в основе выявления статуса региона и историко-культурного формирования региональных элит, закрепляющих

своей деятельностью его значимость в пространстве государства, выделяют несколько видов *регионализма*. *Культурный регионализм* может быть рассмотрен как специфический образ действий, особая стратегия, идеология и практика регионального социокультурного процесса. Нередко он ориентирован на требования культурной автономии на основе религиозной специфики доминирующей части населения, в том числе на запросы сохранения местных этнических традиций, преподавания на родном языке. Сегодня частичное проявление культурного регионализма можно увидеть в создании национально-культурной автономии (НКА), определяемой в Федеральном законе как «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культур» [23]. К числу основных прав НКА относится право на организацию просветительных и культурных учреждений, которые не только работают в соответствии с законодательством Российской Федерации, но и получают поддержку федеральных органов исполнительной власти субъектов РФ на создание государственных образовательных учреждений с обучением на национальном (родном) языке и его углубленным изучением, где особое внимание уделяется изучению национальной истории, культуры.

Так, например, в настоящее время в регионах Западной Сибири ежегодно наблюдается активный рост числа НКА, что можно связать с вероятным поиском локальных особенностей, отличающих одну этническую группу от другой в пределах региона, в том числе в силу диалектных различий, разной истории переселения предков из бывших мест проживания (немцы Поволжья, немцы Волынской губернии). С другой стороны, образование самостоятельных, локальных НКА, пред-

ставляющих единую этнокультурную группу «точечно» фиксирует районное местопроживание, тем самым показывая наличие носителей этнокультурных особенностей и независимость НКА от центра в способах и формах сохранения культурного наследия. Например, в начале 2012 года в Омской области было зарегистрировано 38 НКА (в 2009 — 21, 2010 — 27, 2011 — 37), в Новосибирской области — 36 НКА (в 2009 — 25, 2010 — 29, 2011 — 34), в Кемеровской области — 12 НКА (2010 -2011 — 11), в Алтайском крае — 27 НКА (2009- 21, 2010 — 25, 2011- 27) [24]. Нередко многочисленные объединения ориентированы на поддержание и развитие социокультурных особенностей одного этноса (например, 19 немецких НКА в Омской области, 4 украинских НКА в Новосибирской области) в пределах региона. Все это дает основание для разграничения местных, региональных и федеральных НКА.

Своя специфика у исторически утверждающейся политико-экономической сферы региона. Потребность удовлетворения экономических интересов, например, в виде сбора налогов в собственный бюджет, возможности прямых международных связей, формирует *экономический регионализм*. *Политический регионализм* проявляется в тенденциях, направленных на относительно политическую самостоятельность, в том числе выраженную в выдвижении политических лозунгов на сдвиги в существующей системе распределения компетенции и полномочий [25]. *Социокультурный регионализм*, активно презентующий себя в современной истории, можно представить как деятельность, основанную на формировании и утверждении регионального самосознания, региональной идентичности, на воплощении самобытности провинциальных традиций в региональных общественных движениях, на признании интересов и нужд регионов в качестве полноправной формы самоорганизации общества.

В отличие от регионализма *регионализация* как историко-культурная форма репрезентации региона является

процессом перераспределения полномочий между центром и регионами в пользу последних и ориентируется на учет интересов и нужд регионов в политике, управлении и планировании. *Регионализм* предполагает существование профессиональных элит, деятельность которых направлена на развитие отдельных сфер жизнеустройства социума, определяющих специфику места на основе создания здоровой конкуренции в области развития и поддержания культурного своеобразия региона. *Регионализация* — реальный процесс перераспределения властных полномочий в область регионального управления. Общие причины регионализации заключаются в стремлении сделать власть более эффективной, переложить на нее часть ответственности за принимаемые решения, в стремлении регионов повысить свой институциональный статус.

Сегодня из области политических решений вопросы регионализации перешли в сферу социокультурных институтов. Процесс связан с потребностью формирования толерантных условий, диалога в единой поликультурной среде. Наполнение места самобытными культурными составляющими (например, этнокультурными формами самовыражения, спецификой изобразительного и декоративно-прикладного искусства) позволяет презентовать территорию как самобытную, а потому требующую инвестиционных вложений. Инвестиции, имеющие материальное выражение, определяются идеологическими ориентирами, создающими платформу для дальнейшего развития региона. Актуализация «горячей» опции памяти, направленной на воссоздание прошлого с целью организации «переживания настоящего и будущего, взаимообусловленных и немислимых друг без друга» [26], позволяет выстроить динамическую региональную модель развития на основе обращения к знаковым событиям места, предлагаемым в современных формах восприятия для нового переживания в настоящем. Историография позволяет разбудить память места, ориентируя носителей символических образов к поиску акту-

альных форм его репрезентации.

Пограничное положение регионов Западной Сибири, историко-культурное освоение — ключевой фактор в формировании культурных брендов, представляющих регион как наделенное своим историческим опытом, оригинальным самосознанием населения место. посредством обращения к ключевым образам происходит вычленение региона из пространства, сформированного тенденциями тотальной унификации культуры; регион становится выгодным для инвестиций благодаря наличию культурно значимых ресурсов. Создание инновационных проектов включает в себя современные формы представленности местной культуры, благодаря этому происходит включение социума в трансляцию ценностной специфики места.

Культурный брендинг — своего рода реализация современного тандема «холодной» и «горячей» опций памяти общества. «Размораживание» событий и знаний, с ними связанных, происходит посредством культурной трансмиссии, в результате чего потомки открывают для себя смыслы культурной памяти региона в процессе восприятия событий в актуальных формах. Культурный бренд, создаваемый на основе региональной историографии, позволяет осмыслить историю места в контексте современности.

К примеру, историческая канва, связанная с формированием Омского региона, становится основой для создания нескольких «тематических программ» в процессе формирования культурного бренда: «Омская область — рубеж России», «Омск — евразийский транспортный узел», «Омская область — культурный центр всероссийского значения», «Малые города — место для комфортной жизни». Все сюжеты, персонализируясь в лице исторических и ныне живущих известных омичей, представлены в программах региональной культурной политики, особенно актуализирующей события истории в рамках предстоящего празднования 300-летия Омска (год основания — 1716). При этом обращение к памяти

места происходит в специфичных для воспринимающей аудитории формах. Научной общественности предлагаются площадки для обсуждения в связке с историко-культурным наследием современные тенденции преобразования региона. Цель дискуссий — проанализировать возможные стратегии дальнейшего регионального развития (к примеру, **научно-практическая конференция с международным участием в рамках программы подготовки к 300-летию Омска «Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций»**). Широкому кругу населения становится доступным знакомство с традиционной и современной культурой в рамках ежегодной выставки «Омская культура: мир без границ».

В результате проведения мониторинга среди населения Тобольска выяснилось, что культурный бренд «Тобольск — отец городов сибирских» соответствует городу, являющемуся столицей Сибири на протяжении трех столетий, как туристическому центру. Как подчеркивали горожане, именно Тобольск стал восточным форпостом в освоении новых территорий, в расширении границ российского государства и началом строительства первых сибирских городов. Этот бренд является для Тобольска наиболее эффективным, поскольку благодаря вниманию к событиям, связанным с освоением Сибири, город видится центром историко-культурного туризма [27].

Историческое прошлое места становится культурным брендом Барнаула. Основание города неразрывно с появлением на Алтае медеплавильного завода, построенного Акинфием Демидовым, который в XVIII арендовал землю у государства. Медеплавильный завод через некоторое время стал сереброплавильным, и именно вокруг него начал расти и развиваться город. Почти на протяжении полутора веков в Барнауле выплавлялось больше половины российского серебра, поэтому сегодня город позиционируется «серебряным венцом Алтая».

